

В Диссертационный совет Д. 05.2.001.03
(юридические науки)
на базе Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел
Российской Федерации»

**Отзыв официального оппонента о диссертации Аббуда Р.Р. на тему
«Международно-правовое регулирование противодействия
киберпреступлениям», представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности 5.1.5 Международно-
правовые науки.**

Актуальность темы представленного к защите исследования подтверждается тем, что противодействие государствам преступлениям в сфере информационно-компьютерных технологий (далее – ИКТ) является одним из востребованных направлений сотрудничества государств в современных условиях. Присутствует общее понимание, что в условиях современных вызовов и угроз в столь быстро развивающейся области ИКТ требуются адекватные, действенные механизмы сотрудничества в области противодействию таким противоправным деяниям, как использование криптовалют для вывода и отмыwania средств, полученных преступным путем, кибершпионаж и диверсия на объектах критической информационной инфраструктуры, новые схемы фишинга, незаконный перехват и кража данных, воздействие на электронные данные и системы и др. Принятие в 2024 г. Конвенции ООН против киберпреступности явилось значимым достижением государств. В этой связи тема диссертационного исследования Аббуда Р., безусловно, отвечает критериям актуальности. Что касается научной новизны, то полагаем возможным не согласиться с утверждением соискателя о том, что «на национальном уровне существует пробел в части диссертационных исследований, посвященных объекту данной работы» (с. 8), поскольку в конце 2021 г. была успешно защищена кандидатская диссертация Мысиной А.И. по теме «Международно-правовое регулирование сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий».

Основной целью диссертационной работы автор ставит проведение анализа теоретических и практических аспектов международно-правового регулирования противодействия киберпреступлениям, выработку конкретных предложений для решения данной проблемы. Важно отметить указание соискателя на то, что представленное к защите исследование является не финалом научного осмысления поднятой темы, но определенным этапом

этого процесса. Обращаясь к исследованию проблемы киберпреступлений, автор стремился способствовать продолжению научной дискуссии в этой области.

Структура исследования представляется логичной, состоит из оглавления, введения, двух глав, объединяющих 6 параграфов, заключения и библиографии.

В главе I «Характеристика киберпреступления в международно-правовой науке» исследованы различные подходы к вопросу терминологии, классификации преступлений в сфере ИКТ. В рамках § 3 данной главы соискатель обращается к вопросу квалификации преступлений в сфере ИКТ, имеющих трансграничный характер, и характеризует его в качестве международного преступления (в сочетании с возможностью расширения юрисдикции Международного уголовного суда на такого рода преступления или создании отдельного судебного органа).

В главе II «Международно-правовое противодействие киберпреступлениям» исследовательский акцент делается на международно-правовой базе, лежащей в основе международного сотрудничества, меры, принимаемые в части такого взаимодействия правоохранительными органами, а также на роли искусственного интеллекта в контексте безопасности в сфере ИКТ. Искусственный интеллект рассматривается в качестве одного из методов борьбы с преступлениями в сфере ИКТ.

В Заключении приведены основные выводы, указан ряд научных предложений, к которым пришел автор по результатам проведенного диссертационного исследования.

В целом, с учетом сложности выбранной темы, соискатель подошел к исследованию добросовестно, изучил значительное количество международно-правовых актов и доктринальных исследований в данной области. Поставленные задачи были комплексно решены; результаты исследования в целом представляются аргументированными, выверенными. Работа является логичным, содержательным исследованием, вносящим вклад в развитие науки международного права в части исследования вопроса противодействия преступлениям в сфере ИКТ.

В то же время диссертация не лишена, на наш взгляд, некоторых дискуссионных моментов.

1. В положении № 3, выносимом на защиту, соискателем указывается, что «классификация киберпреступлений, содержащаяся в действующих международных соглашениях, теряет актуальность», в связи с чем предлагается выделить дополнительную (авторскую) классификацию. Однако возникает вопрос, насколько в целом целесообразна классификация преступлений в международных соглашениях? На доктринальном уровне, безусловно, такой подход возможен, и соискатель вполне может предложить свой взгляд на этот вопрос, но насколько необходима «классификация киберпреступлений» на нормативном уровне? В региональных актах, регулирующих сотрудничество государств по противодействию преступлениям в сфере ИКТ, приведен подробный

перечень противоправных деяний, подлежащих криминализации, без опоры на классификацию. Кроме того, в действующих региональных договорах закреплены положения, предусматривающие внесения изменений и дополнений (с учетом динамики преступных угроз в сфере ИКТ) в виде отдельных Протоколов, что предполагает эволюцию данной области регулирования. Будет ли классификация киберпреступлений в международных договорах усиливать эффективность борьбы? Если да, то каким образом? И в какой именно международный договор, по мнению диссертанта, необходимо внести авторские предложения по новым видам преступных деяний в сфере ИКТ? Второй вопрос – выделение, как предложено соискателем, такого отдельного вида киберпреступлений, как, например, «вещевой кардинг». Является ли это преступление по своему характеру чем-то иным, чем уже предусмотренный нормативными актами такой состав, как хищение или мошенничество с использованием информационно-компьютерных технологий?

2. Вывод соискателя в положении № 5, выносимом на защиту, о том, что противоречивые положения национального законодательства приводят к невозможности успешного противодействия преступлениям в сфере ИКТ, выглядит спорным. Даже до принятия универсальной Конвенции под эгидой ООН на региональном уровне уже давно реализуется успешное сотрудничество правоохранительных органов государств в борьбе с преступными угрозами в сфере ИКТ. Пример – взаимодействие в рамках Совета Европы (на основе Конвенции 2001 г.), обусловившее гармонизацию и унификацию законодательства государств, создание специализированных подразделений, предметно занимающихся вопросами борьбы с преступлениями в сфере ИКТ. Иной пример – вполне результативное сотрудничество в рамках Евросоюза (в том числе посредством Европола). Под эгидой ОДКБ на постоянной основе проводится операция «ПРОКСИ», в рамках которой сотрудники силовых ведомств, специальных служб и правоохранительных органов, профильных министерств и ведомств государств – членов Организации сотрудничают в борьбе с преступлениями в сфере ИКТ. В отношении универсального уровня правоохранительного сотрудничества можно указать на взаимодействие государств в рамках Интерпола, значимая часть деятельности которого нацелена именно на борьбу с преступлениями в сфере ИКТ (в том числе посредством созданного под эгидой Интерпола отдельного центра по таким преступлениям в Сингапуре - INTERPOL Global Complex for Innovation). Таким образом, различные правовые системы не являются препятствием к межгосударственному взаимодействию, тезис соискателя о невозможности сотрудничества государств опровергается практикой.
3. Не совсем убедительно, на наш взгляд, выглядит тезис соискателя о целесообразности принятия договора под эгидой ЕАЭС для целей борьбы с киберпреступлениями, равно как и о создании специально правоохранительного органа в рамках ЕАЭС. Любая организация

создается с вполне конкретными целями, имеет свою компетенцию; деятельность ЕАЭС ограничена экономическими аспектами (создание условий для развития экономик государств-членов, повышение уровня жизни населения, стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала), не связана с борьбой с преступностью. Насколько целесообразно наделять ЕАЭС – организацию в экономической сфере – данным направлением сотрудничества (при всей его актуальности) и создавать в ее рамках отдельную правоохранительную структуру, при том, что члены ЕАЭС не находятся вне правового поля, уже являются сторонами соглашений в области борьбы с преступлениями в рамках ИКТ, активно взаимодействуют в этом направлении.

4. В положении, выносимом на защиту № 7, сделан вывод о целесообразности создания международной правоохранительной организации универсального характера, наделенной компетенцией в части осуществления международной оперативно-розыскной деятельности в целях борьбы с киберпреступлениями. Однако насколько оправданно создавать новую организацию – при том, что все перечисленные соискателем задачи уже осуществляются под эгидой Интерпола? Основную задачу по расследованию выполняют компетентные органы государств и взаимодействие по линии Интерпола (действующего с 1956 г. наряду с адаптацией к новым вызовам и угрозам, коими являются преступления в сфере ИКТ) уже налажено, отработано и доказывает свою эффективность. Есть ли смысл в дублировании структур?
5. Вывод соискателя о том, что киберпреступление является международным преступлением в увязке с идеей о потенциальном создании специального трибунала *ad hoc* по международным киберпреступлениям требует определенной конкретизации. Киберпреступления, по его мнению, являются собирательным понятием (отсюда и попытка классифицировать, уточнить их перечень), и международными они становятся в силу того, что приобретают трансграничный характер. В этом случае есть основания их квалифицировать как преступления международного характера, что соискатель и делает. Однако далее в тексте диссертации на определенном этапе происходит «переход» киберпреступлений в другую категорию – международных преступлений, т.е. деяний, стоящих в одном ряду с агрессией, геноцидом, военными преступлениями. Хотелось бы, чтобы в процессе защиты соискатель уточнил, относится ли киберпреступления к категории международных, которые предполагают возможность осуществления международной уголовной юрисдикции? Если да, то какое именно из нормативно закрепленного перечня преступлений? Или же в данном случае термин «кибер» будет означать средство, с помощью которого может быть осуществлено преступление, например агрессия, и в этом случае отдельного, нового состава международного преступления нет? При таком подходе более понятным становится тезис, что новым киберпреступлением стала, например, реабилитация нацизма (с. 33). Учитывая, что выводы соискателя в данном аспекте противоречивы, было

бы уместно прояснить позицию; отметим, что МУС в подготовленном Офисом Прокурора в 2025 г. Проекте политики Суда в отношении киберпреступлений в соответствии с Римским статутот (и потенциальном распространении на них юрисдикции МУС) высказался по данному вопросу вполне определенно.

Высказанные замечания носят преимущественно дискуссионный характер, не снижают общей положительной оценки диссертации. Представленное к защите диссертационное исследование на тему «Международно-правовое регулирование противодействия киберпреступлениям» соответствует требованиям, предъявляемым Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024), и позволяет сделать вывод о том, что ее автор, Аббуд Руслан Ратебович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.5 Международно-правовые науки.

Официальный оппонент:

Скуратова Александра Юрьевна, к.ю.н., доцент

Почтовый адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Контактный тел: +7 (495) 229-38-23, e-mail: a.skuratova@inno.mgimo.ru

Место работы: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России»

Должность: доцент кафедры международного права

Специальность, по которой защищена диссертация: 12.00.10 –

Международное право; Европейское право

«5» сентября 2025 г.

Подпись А.Ю. Скуратовой заверяю